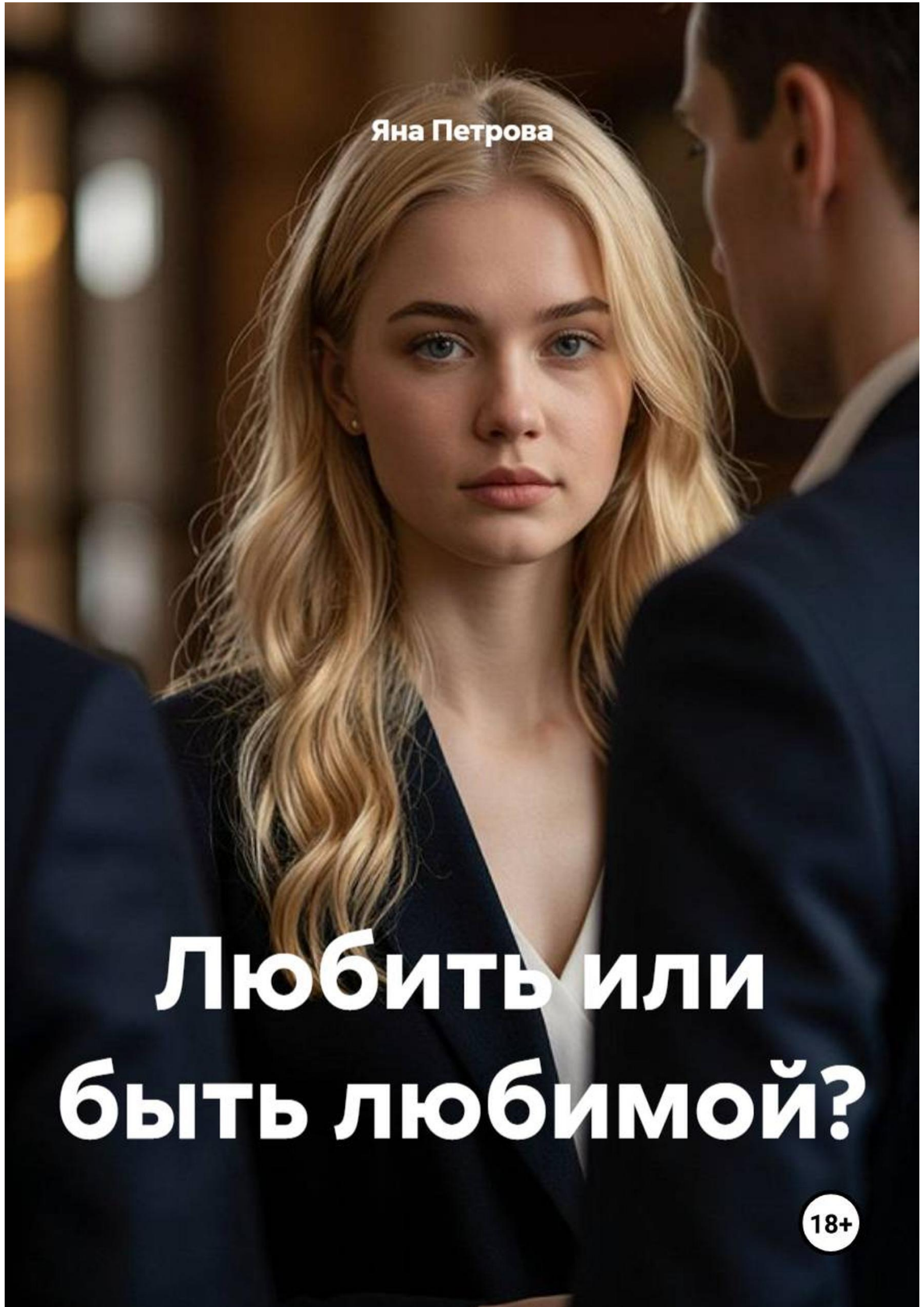

A movie poster featuring a young woman with long, wavy blonde hair and blue eyes, looking directly at the camera with a serious expression. She is wearing a dark blue blazer over a white top. To her right, the back of a man's head and shoulder in a dark suit are visible. The background is a warm, out-of-focus interior with bokeh light effects.

Яна Петрова

Любить или быть любимой?

18+

Яна Петрова

Любить или быть любимой?

«Автор»

2026

Петрова Я. Л.

Любить или быть любимой? / Я. Л. Петрова — «Автор», 2026

София молодая, красивая, умная блондинка, которая учится на переводчика в Петербурге. Но за яркой внешностью - рана: полгода назад её бросил мужчина, которому она отдала всю душу. Теперь она поклялась себе никогда не привязываться, однако героиня тут же оказывается между двумя мужчинами. Иван - преданный, заботливый, делает для неё всё, но она не чувствует к нему ничего. Лев - обаятельный сосед, к которому её тянет, но он холоден, эгоистичен и не спешит вкладываться в неё эмоционально. София мечется меж двух огней: любить или быть любимой? Можно ли построить счастье с тем, кто не даёт тепла, или с тем, к кому не лежит душа? Этот роман - о зависимости и свободе, о страхе одиночества и смелости выбрать себя. София пройдёт через разочарования и ошибки, чтобы понять: правильный выбор - не между двумя мужчинами, а между прежней собой и той, которой она может стать.

© Петрова Я. Л., 2026

© Автор, 2026

Яна Петрова

Любить или быть любимой?

Глава 1. Не могу полюбить

Петербургское утро в конце октября было похоже на плохо выученный перевод: слова вроде бы знакомые, а смысл ускользает, оставляя после себя лишь сырость, серый свет из окна и лёгкое чувство вины за то, что ты снова не выспалась. София открыла глаза и некоторое время лежала неподвижно, слушая, как за стеной соседка собирается на пары, гремит кружкой на кухне и что-то недовольно бормочет себе под нос. В коммунальной квартире на три комнаты всегда было слишком много звуков и слишком мало личного пространства, но за полтора года жизни здесь София научилась не замечать чужое присутствие так же легко, как научилась не замечать собственное одиночество.

Телефон на тумбочке завибрировал, и по экрану поползли сообщения от Ивана: «Доброе утро, София! Ты сегодня прекрасна, даже если ещё спишь. Я могу купить тебе кофе по дороге?» Она прочитала это, не меняя выражения лица, и только уголок губ дёрнулся в ленивой, почти снисходительной улыбке. Иван был удобным. Иван был тёплым. Иван был тем человеком, который всегда отвечал, всегда ждал и всегда был готов бросить весь свой день к её ногам, стоило ей только намекнуть на желание. Но именно эта его бесконечная готовность почему-то вызывала в Софии не благодарность, а смутное раздражение, словно он давал ей слишком много и тем самым лишал её необходимости хоть что-то чувствовать в ответ.

Она села на кровати, запустила пальцы в светлые волосы и посмотрела на своё отражение в тёмном экране телефона. Голубые глаза, которые сегодня казались чуть тусклее обычного, ровная кожа, пухлые губы, которые она умела складывать в ту самую улыбку, от которой мужчины теряли голову. София знала, что красива. Знала, что стоит ей выйти на улицу в короткой юбке, ярком платье и на каблуках, как взгляды прохожих начнут липнуть к ней, словно мокрая петербургская морось к пальто. Ей нравилось это ощущение власти, нравилось ловить на себе чужие взгляды и чувствовать, что она может получить почти всё, стоит только захотеть. Но за этой властью давно уже не было никакого настоящего тепла, и София старалась не думать о том, что когда-то ей хотелось совсем другого.

Полгода назад её жизнь была другой. Тогда она ещё верила, что любовь — это не игра, а способность отдать всю себя без остатка и однажды получить то же самое обратно. Она любила человека, который умел быть холодным, но тёплым так изящно, что это казалось почти искусством. Его звали Александр. Он принимал её заботу и присутствие как должное, редко говорил о чувствах, а если и говорил, то только обещал, но абсолютно ничего не делал, мог исчезнуть на несколько дней, а потом вернуться с таким видом, будто ничего не произошло. София оправдывала его занятостью, характером, усталостью, собственными недостатками, винила себя в происходящем и каждый раз придумывала новые причины, чтобы не замечать очевидного. Она была уверена в том, что он относится к ней серьёзно, думала, что они пожениятся, пока один момент не разрушил всё. Он просто ушёл, коротко объяснив, что она «слишком много хочет» и что ему нужно пространство. В тот вечер София долго сидела на полу в своей комнате, прижав

колени к груди, и слушала, как за окном шумит чужой, равнодушный город. Она плакала так, словно из неё вынимали что-то живое, и тогда ей казалось, что эта боль никогда не закончится.

Но время шло, а боль не уходила, только становилась тише и глубже, как вода в подвале, которую никто не видит, но которая медленно разъедает фундамент. София перестала ждать его сообщений, перестала искать его в толпе и однажды решила, что больше никогда не позволит себе быть такой уязвимой. Она назвала это взрослением, хотя на самом деле это было всего лишь раненым сердцем, которое научилось притворяться камнем. Она стала флиртовать легко и без обязательств, ходить на свидания с разными мужчинами, принимать подарки, позволять себя любить и не отдавать взамен ничего, кроме улыбки. Ей казалось, что так безопаснее. Ей казалось, что если она будет использовать мужчин, то они не смогут использовать её первой.

Иван появился несколько недель назад на вечеринке у общих знакомых, где громко играла музыка, а воздух был пропитан запахом алкоголя и чужих духов. Он подошёл к ней неуверенно, словно заранее знал, что не в е

ё вкусе, и всё же протянул ей бокал с дешёвым вином, сказав что-то банальное про её глаза. София тогда рассмеялась, потому что он был совершенно не похож на тех мужчин, которые обычно ей нравились: полноватый, в мешковатой рубашке, с тёмными глазами, в которых светилась такая наивная, почти детская влюблённость, что это вызывало одновременно жалость и желание проверить свою власть. Он был шатеном, немного неуклюжим, не умел красиво говорить и часто не понимал шуток, но при этом смотрел на неё так, будто она была центром вселенной. София не могла этим не воспользоваться.

Теперь Иван писал ей каждое утро, звонил после пар, предлагал встретиться, купить что-нибудь вкусное, проводить до дома, решить любую проблему. Он делал для неё всё, о чём она просила, и даже то, о чём она не просила, словно надеялся, что однажды количество его стараний перейдёт в качество её чувств. София принимала это с ленивой благодарностью, иногда позволяла взять себя за руку, иногда целовала в щёку, иногда говорила комплименты, от которых он расцветал, как мальчик, получивший долгожданную игрушку. Но внутри неё не было ничего, кроме пустоты, и она сама не понимала, что хуже: его наивная любовь или её собственное равнодушие.

Сегодня после пар Иван ждал её у входа в университет, переминаясь с ноги на ногу и держа в руках два стакана кофе. София вышла на улицу в ярко-красном пальто, которое подчёркивало её светлые волосы, и сразу заметила, как он заулыбался, словно увидел не просто девушку, а какое-то чудо. Она подошла, приняла кофе, сделала маленький глоток и поморщилась, потому что он снова забыл, что она не любит корицу. Иван этого даже не заметил, он вообще редко замечал детали, если они не касались его чувств, и начал рассказывать о том, как прошёл его день, какие смешные истории случились на работе, как он скучал и как хотел бы провести с ней весь вечер. София слушала вполуха, кивала, улыбалась, но её мысли уже блуждали где-то далеко, среди воспоминаний о том, кого она всё ещё не могла выбросить из головы.

Они пошли в кафе неподалёку, где Иван заказал ей десерт, который она не просила, и снова начал говорить о своей любви. Он говорил просто и искренне, без красивых метафор,

и от этого становилось только тошнее, потому что София понимала: он действительно готов для неё на всё. Он бы отдал ей последние деньги, приехал ночью через весь город, простил бы любую грубость и, наверное, даже не заметил бы, если бы она изменила ему с кем-то другим. Эта мысль должна была трогать, но вместо нежности в груди поднималось глухое отвращение, к которому примешивалась брезгливость. Ей не нравились его руки, его фигура, его небрежная одежда, его манера жевать, его наивные глаза. Она смотрела на него и думала о том, что никогда не сможет полюбить такого мужчину, и от этого ненавидела себя ещё сильнее.

— Ты правда всё для меня сделаешь? — спросила она, наклоняясь чуть ближе и глядя ему в глаза с той самой улыбкой, которая всегда работала безотказно.

— Всё, София, — ответил Иван без тени сомнения. — Ты только скажи. Мне для тебя ничего не жалко.

Она откинулась на спинку стула и почувствовала, как внутри шевельнулось что-то похожее на удовлетворение. Власть. Пусть даже над одним человеком, но власть. Она снова была той, кого хотят, кем восхищаются, ради кого готовы на глупости. Но это чувство быстро растворилось, оставив после себя лишь усталость и горький привкус кофе. Под столом она достала телефон и увидела сообщение от другого мужчины, с которым познакомилась на прошлой неделе. Он писал, что хочет увидеться, и София, не раздумывая, ответила согласием. Иван ничего не заметил. Он вообще никогда не замечал того, что могло разрушить его иллюзию, и в этом было его главное преимущество и его главная трагедия.

Домой София вернулась уже поздним вечером, когда город снова начал тонуть в дожде, а окна домов зажглись жёлтым светом, похожим на тысячи чужих, недоступных жизней. В коммунальной квартире пахло жареной картошкой и стиральным порошком, соседка смотрела что-то на кухне, а сосед-программист, как обычно, сидел в своей комнате с наушниками и не выходил. София ни с кем не стала разговаривать, просто прошла в свою комнату, закрыла дверь и легла на кровать, не снимая пальто. Ей хотелось исчезнуть. Ей хотелось, чтобы кто-то обнял её так крепко, чтобы все трещины внутри наконец перестали болеть. Но рядом никого не было, и она включила очередной сериал про любовь, где красивые люди страдали красиво и в конце обязательно находили друг друга.

София смотрела на экран, а по щекам текли слёзы, которых она уже давно не стеснялась. Она плакала о том, что не может полюбить Ивана, который любил её так преданно и глупо. Плакала о том, что всё ещё не может забыть того, кто её бросил. Плакала о том, что мечтает о настоящей любви, но боится её так сильно, что готова окружить себя мужчинами, к которым ничего не чувствует. Она использовала их, они использовали её, и в этой бесконечной игре не было ни победителей, ни проигравших, потому что все давно уже проиграли. Иван снова прислал сообщение: «Сладких снов, моя София. Я всегда рядом». Она прочитала его, положила телефон на подушку и закрыла глаза, так и не ответив.

За окном Петербург гасил огни, дождь стучал по карнизу, а София засыпала с мыслью, что завтра снова придётся играть роль — весёлую, лёгкую, недоступную. Она ещё не знала, что очень скоро в её жизнь войдёт тот, кто заставит её забыть все правила, и тогда выбор между тем, кого она любит, и тем, кто любит её, станет не просто трудным, а почти невозможным.

Глава 2. В поисках нормальных отношений

Утро встретило Софию серым, тяжёлым светом, который просачивался сквозь немытые окна коммунальной квартиры и ложился на подушку так, словно тоже устал и не хотел никуда идти. Она открыла глаза и первое, что почувствовала, — это неприятную, ноющую тяжесть в веках, которые за ночь распухли от слёз и теперь казались чужими, будто принадлежали не ей, а какой-то другой девушке, пережившей нечто такое, о чём София предпочла бы забыть. Телефон показывал половину восьмого, за стеной соседка уже гремела посудой, а в комнате было холодно, потому что батареи в старом доме грели так же неохотно, как люди, которые давно перестали верить в тепло, и София натянула одеяло до подбородка, мечтая о том, чтобы этот день просто исчез из календаря, как исчезают сообщения, которые не хочется читать.

Ей не хотелось вставать, потому что вставать означало снова надевать маску, снова улыбаться, снова быть той яркой, лёгкой и уверенной Софией, которую все привыкли видеть, а она сегодня не чувствовала в себе ни капли этой уверенности. Ей не хотелось есть, потому что от одной мысли о еде подкатывала тошнота, и не хотелось никуда идти, потому что весь мир за пределами комнаты казался плоским, бессмысленным и раздражающим, как бесконечная реклама, которую невозможно выключить. Она лежала, уставившись в потолок, где в углу расплзалось тёмное пятно от старой протечки, и думала о том, что это пятно, наверное, единственное в этой квартире, что растёт так же медленно и безнадёжно, как её собственная тоска.

Но она всё-таки пересилила себя. София встала, подошла к зеркалу и посмотрела на своё отражение с тем холодным любопытством, с каким смотрят на чужую болезнь, и увидела опухшее лицо, красные глаза и растрёпанные светлые волосы, которые вчера ещё лежали красивыми волнами, а сегодня напоминали забытую всеми метёлку. Она умылась ледяной водой, нанесла на лицо тональный крем, подвела глаза так, чтобы никто не догадался о ночных слезах, надела короткую бордовую юбку и яркий свитер, потому что яркие вещи всегда помогали ей чувствовать себя живой, и вышла из дома в промозглую петербургскую сырость, которая обняла её со всех сторон, как навязчивый знакомый, от которого невозможно избавиться.

Дорога до университета заняла сорок минут, и все эти сорок минут София простояла в переполненной маршрутке, прижатая к чужому пальто, которое пахло табаком и дешёвым одеколоном, и слушала, как в наушниках играет грустная песня о любви, которая когда-то казалась ей красивой, а теперь раздражала своей наивностью. Она смотрела в окно на серые фасады, на мокрый асфальт, на людей, которые бежали куда-то с озабоченными лицами, и думала о том, что все они, наверное, тоже когда-то кого-то теряли, но почему-то продолжают жить, ходить на работу, покупать хлеб, смеяться в кафе, и эта мысль одновременно успокаивала и пугала её.

Пары в тот день оказались настолько скучными, что даже преподаватели, казалось, говорили через силу, словно сами не верили в то, что произносят. София сидела на последнем ряду, где обычно прятались те, кто не хотел быть замеченным, и листала новостную ленту ВКонтакте, где люди выкладывали фотографии еды, котиков, цитаты о счастье и бесконечные признания в любви, от которых ей хотелось закрыть глаза и никогда больше не открывать. Она читала бесполезные посты, в которых не было ни смысла, ни правды, ставила лайки машинально, даже не вникая в то, что видит, и чувствовала, как время растягивается в вязкую, бесконечную субстанцию, в которой можно утонуть, так и не дождавшись звонка.

Потом она открыла сайт знакомств, потому что иногда это давало ей иллюзию того, что, может быть, она найдёт там того, кто полюбит её и кого она сама полюбит, что она наконец сможет обрести нормальные отношения и забыть бывшего, как будто его никогда не было в её жизни.

Мамба встретила её привычным хаосом: десятки сообщений от разных мужчин, которые писали одно и то же, будто копировали друг друга из какого-то нелепого учебника по соблазнению, где главными вопросами были «что делаешь?», «почему такая красивая и без парня?», «что тут ищешь?» и «как дела?». Она листала эти сообщения одно за другим, читала их пустые, глупые фразы, и внутри неё поднималось глухое раздражение, потому что все эти мужчины хотели от неё чего-то определённого, но никто из них не хотел просто узнать, какая она на самом деле. Она переписывалась с некоторыми из них, в том числе с иностранцами, потому что хорошо знала английский и иногда находила в этом странное утешение, но даже в переписке с теми, кто жил на другом конце мира, она чувствовала всё ту же пустоту, только выраженную другими словами.

— Ты кто по национальности? Такая красивая, наверное, модель? (What is your nationality? You are attractive. Are you a model maybe?) — писал ей какой-то мужчина из Германии, и София смотрела на это сообщение с усталой усмешкой, потому что даже в чужом языке, который она любила и знала почти в совершенстве, не было ничего нового.

Она закрыла сайт с раздражением, не ответив никому, и снова вернулась к ленте ВКонтакте, где чьи-то чужие жизни продолжали течь легко и безоблачно, и в этот момент преподавательница, строгая женщина с очками на цепочке и голосом, который мог перекрыть шум метро, заметила, что София не слушает, и назвала её имя так резко, что несколько человек обернулись.

— София, вы, кажется, считаете, что теория перевода вас не касается? — спросила она с той ледяной вежливостью, от которой становилось неуютно даже отличникам. — Может быть, вы поделитесь с нами своими мыслями?

София подняла глаза, посмотрела на преподавательницу, потом на доску, где были написаны термины, которые она не читала, и поняла, что не может ответить ничего, потому что её голова была занята совсем другим. Она молчала, и это молчание повисло в аудитории, как чужая неловкость, от которой хотелось спрятаться, и преподавательница сделала ей замеча-

ние, сказав, что студентка третьего курса должна быть серьезнее, если хочет получить диплом. София кивнула, извинилась, опустила глаза, и ей было абсолютно всё равно, потому что чужие слова давно перестали доходить до того места внутри неё, где всё ещё болело.

Она снова ушла в свои мысли, и эти мысли, как это часто бывало в последние месяцы, привели её к Саше. Она вспоминала его с той мучительной ясностью, которая приходит только тогда, когда человек уже потерял: как он в начале отношений был таким романтичным, что казался героем чужого фильма, как дарил ей цветы без повода, просто потому что увидел на улице розы и подумал о ней, как готовил ей вкусную еду сам, хотя раньше, по его собственным словам, не умел даже яйца сварить, как заботился о ней, когда она болела, приносил чай, укрывал пледом и сидел рядом, пока она не засыпала. Она скучала по нему так сильно, что это чувство казалось физическим, будто внутри неё образовалась дыра, которую невозможно ничем заполнить, и София достала телефон, открыла старые совместные фотографии и начала смотреть на них, не в силах оторваться, хотя понимала, что делает себе только хуже.

Вот они лежат вместе в кровати и смотрят сериал, и её голова на его плече, и его рука в её волосах, и на обоих одинаковые улыбки, которые теперь кажутся ей фальшивыми, но тогда она была уверена, что это и есть счастье. Вот они в парке вдвоём, осень, жёлтые листья, его куртка, которую он накинул ей на плечи, потому что она замёрзла, и София помнит, как пахла эта куртка, и от этого воспоминания у неё сжимается горло. Вот они в кафе, где он заказал ей тот самый десерт, который она любила, и они смеются над какой-то глупой шуткой, и в этом моменте столько тепла, что София чувствует, как к глазам снова подступают слёзы. Она листала фотографии дальше и дальше, и плохие моменты, которых было гораздо больше и которые были в конце отношений, почему-то не всплывали, хотя она прекрасно знала, что они были: его холодность, его исчезновения, его грубые слова и пустые обещания, дающие надежду, его равнодушие, когда ей было плохо, но память устроена так, что хранит только светлое, и София снова начала винить себя во всём, что произошло.

— Это я виновата, — прошептала она себе под нос, глядя на его лицо на экране. — Я слишком много хотела, я слишком давила, я была грубой, я не давала ему свободы, я была недостаточно хорошей.

Она почувствовала, как её накрывает волной, как внутри всё сжимается в тугий узел, и ей захотелось разрыдаться прямо здесь, в аудитории, среди чужих людей, которые ничего о ней не знают, но она сдержала эмоции, сжала зубы, глубоко вздохнула и заставила себя смотреть в доску так, будто ей действительно интересно, хотя перед глазами стояло только его лицо и только его голос звучал в голове.

День тянулся медленно, как поезд, который опаздывает и останавливается на каждом полустанке, и к вечеру София уже не чувствовала ни рук, ни ног, ни себя. После университета она вышла на улицу, где снова моросил дождь, и, стоя под козырьком остановки, набрала номер мамы, потому что иногда только мамин голос мог хоть немного приглушить ту боль, которая жила внутри и никуда не уходила. Мама ответила почти сразу, и в её голосе было столько зна-

комой, тёплой заботы, что София не выдержала и заплакала, прямо в трубку, не сдерживаясь, как в детстве, когда любая обида казалась концом света.

— Мама, я так по нему скучаю, — сказала она, вытирая слёзы тыльной стороной ладони. — Я не могу больше, я не знаю, как это пережить, мне кажется, что я никогда не смогу его забыть. Воспоминания возвращаются снова и снова. Он не выходит у меня из головы никак.

— Сонь, послушай меня внимательно, — ответила мама спокойно, но с той твёрдостью, которая появляется у женщин, видевших в жизни многое. — Он тебя не достоин, слышишь? Он безответственный, он просто поиграл тобой и бросил, когда ему стало удобно, а ты сейчас убиваешь себя из-за человека, который этого не стоит.

— Но я любила его, мама, — всхлипнула София, чувствуя, как слёзы текут по щекам, оставляя холодные дорожки. — Я до сих пор его люблю, и я не знаю, что мне делать с этим чувством, оно никуда не уходит, оно только растёт.

— Ты обязательно найдёшь нормального мужчину, — сказала мама с той уверенностью, которую можно услышать только от человека, который искренне хочет, чтобы ты была счастлива. — Ты молодая, красивая, умная, у тебя вся жизнь впереди, и поверь мне, пройдёт время, и ты сама будешь удивляться, что так убивалась из-за него. Будешь вспоминать это время с улыбкой и говорить о том, какой же ты дурой была, что вообще была с ним и терпела его выходки.

— Я не найду, мама, — ответила София, и в её голосе было столько отчаяния, что даже мама на секунду замолчала. — Я никого не найду, потому что я никого не могу полюбить, я пытаюсь, но не получается, и я останусь одна. Это так страшно...

Мама говорила ей ещё что-то тёплое и успокаивающее, и постепенно София начала дышать ровнее, слёзы высохли, и она даже сумела улыбнуться, хотя улыбка получилась слабой и совсем не похожей на ту, которую она обычно показывала миру. Она попрощалась с мамой, положила телефон в карман и пошла домой, но мысли всё равно продолжали терзать её, крутились в голове, как заезженная пластинка, и не давали ни минуты покоя.

Дома она разулась, прошла в свою комнату, но не успела закрыть дверь, как услышала за стеной голоса. Сосед и соседка смеялись, шутили, что-то обсуждали, и по тому, как легко и естественно звучали их голоса, София поняла, что они смотрят фильм вместе, что они вместе, что они есть друг у друга, и это открытие ударило по ней сильнее, чем она ожидала. Она замерла в коридоре, прислушалась к этому чужому смеху, к этому чужому теплу, которое просачивалось сквозь тонкую стену, и почувствовала, как к горлу снова подступает комок, а на глаза наворачиваются слёзы, которые она уже не могла и не хотела сдерживать.

— У меня так никогда не будет, — прошептала она в пустоту комнаты, и эти слова прозвучали как приговор, который она сама себе вынесла.

Она закрыла дверь, легла на кровать, не снимая одежды, и уставилась в потолок, где всё же тёмное пятно напоминало ей о том, что ничего не меняется, что время идёт, а она стоит на месте, окружённая мужчинами, которые хотят её тела или её внимания, но никто из них не хочет её настоящую. За стеной продолжали смеяться, и София закрыла глаза, слушая этот смех как доказательство того, что счастье существует, но не для неё.

Глава 3. Пустота в душе

Дни после того вечера, когда София услышала за стеной чужой смех и в очередной раз убедилась в собственном одиночестве, потянулись медленной, вязкой чередой, похожей на осенний петербургский дождь, который не заканчивается, а просто на время стихает, чтобы через час снова застучать по подоконнику с той же монотонной настойчивостью, от которой хочется зарыться в одеяло и никогда больше не выходить на улицу.

Она продолжала ходить в университет, продолжала улыбаться на парах, продолжала отвечать на сообщения мужчин, которые писали ей с сайтов знакомств, но всё это происходило словно не с ней, а с какой-то другой девушкой, которая научилась существовать на автопилоте и делать вид, что жизнь всё ещё имеет для неё хоть какое-то значение. Внутри же Софии жила глухая, ноющая пустота, которая не проходила ни от чужого внимания, ни от новых сообщений, ни от того, что Иван каждый день писал ей, что любит её, и что он всегда рядом, и что он готов для неё на всё, и от этих его слов становилось только тяжелее, потому что она понимала, что не может ответить ему тем же, и от этого чувствовала себя ещё более виноватой и ещё более пустой.

По вечерам, когда коммунальная квартира затихала, когда соседи по квартире закрывались в комнате и смотрели фильмы, София ложилась на кровать, включала ноутбук и смотрела турецкие сериалы про любовь, где красивые люди с идеальными лицами и идеальными проблемами встречались, ссорились, расставались и снова сходились, и в конце каждой серии обязательно находили друг друга, и в этих историях было столько тепла и света, что София на время забывала о собственной жизни и представляла себя на месте главной героини, которая обязательно получает своё счастье несмотря ни на что. Она смотрела на экран, где мужчина говорил женщине красивые слова, где он обнимал её так крепко, будто боялся потерять, где он смотрел на неё с той нежностью, которую София так долго ждала и так и не дождалась, и по её щекам текли слёзы, которых она уже не стеснялась, потому что в этой комнате её никто не видел, и можно было быть слабой, можно было плакать, можно было мечтать о том, чего у неё никогда не будет.

Своим ухажёрам София не показывала своего состояния, потому что привыкла быть для них яркой, лёгкой, весёлой девушкой, которая смеётся над шутками, флиртует, стреляет глазками и не обременяет никого своими проблемами, и она продолжала играть эту роль даже тогда, когда внутри неё всё сжималось от боли, и эта игра давно уже стала для неё второй кожей, которую она надевала каждое утро, как надевала яркие платья и короткие юбки, чтобы

никто не догадался, что под этой блестящей оболочкой живёт человек, который не знает, как выбраться из собственной тоски.

Она ходила на свидания с разными мужчинами, потому что боялась остаться одна, потому что надеялась, что хоть кто-то сможет вытащить её из этой ямы, потому что думала, что если она будет встречаться с кем-то, то, может быть, и сама поверит в то, что всё не так плохо, но мужчины, с которыми она встречалась, были обычными людьми, которые хоть и не отличались особой проницательностью, всё же замечали, что с этой красивой блондинкой в ярком платье что-то не так, и после свиданий они обычно пропадали и больше не писали, и каждая такая тишина в телефоне становилась для Софии ещё одним доказательством того, что она никому не нужна, что с ней что-то не так, что она не умеет быть интересной, и она грызла себя за это, перебирая в памяти каждое сказанное слово, каждый жест, каждый взгляд, и находила в себе всё новые и новые недостатки.

Ещё одно свидание произошло через несколько дней после того разговора с мамой, когда София решила, что нужно выйти из дома и хоть немного отвлечься от своих мыслей, и она написала мужчине по имени Дмитрий, с которым познакомилась на сайте знакомств за пару дней до этого и который показался ей достаточно интересным, чтобы потратить на него вечер.

Дмитрий был высоким brunetом с правильными чертами лица, работал в какой-то компании, связанной с логистикой, и в переписке он казался весёлым и остроумным, и София подумала, что, может быть, именно такой мужчина, уверенный в себе и не слишком сложный, сможет вывести её из того состояния, в котором она находилась уже несколько месяцев. Она надела короткое чёрное платье, которое подчёркивало её стройную фигуру, сделала лёгкий макияж, но когда она смотрела на своё отражение в зеркале, то видела не красивую девушку, а человека с уставшими глазами и застывшей улыбкой, и это наблюдение неприятно кольнуло её, но она отогнала его и вышла из дома, убеждая себя, что всё будет хорошо, что нужно просто немного расслабиться и получить удовольствие от вечера.

Они встретились в кафе в центре города, где играла тихая музыка и пахло кофе и свежей выпечкой, и Дмитрий, увидев её, улыбнулся и сказал, что она выглядит потрясающе, и София поблагодарила его и улыбнулась в ответ, но эта улыбка была такой же механической, как и всё, что она делала в последние месяцы, и Дмитрий, будучи человеком наблюдательным, почти сразу это заметил.

Они сели за столик, заказали кофе, и разговор поначалу шёл легко, о работе, о городе, о том, кто где был и что видел, но постепенно София начала отключаться, потому что её мысли снова унеслись куда-то далеко, к тем фотографиям, которые она рассматривала в университете, к тому человеку, который бросил её и который до сих пор жил в её голове, и она отвечала на вопросы Дмитрия односложно, не вникая в суть, и смотрела куда-то в сторону, и Дмитрий это почувствовал.

— Ты какая-то грустная сегодня, — сказал он, отставив чашку и внимательно посмотрев на неё. — Что-то случилось? Может, ты не хотела идти на свидание или у тебя проблемы какие-то?

— Нет, что ты, всё хорошо, — ответила София, натянуто улыбнувшись, и эта улыбка вышла настолько фальшивой, что даже она сама это поняла. — Просто устала на учёбе, много дел, ты не обращай внимания.

— Ну, если ты устала, может, тогда не стоило сегодня встречаться? — спросил Дмитрий с той осторожностью, с какой люди обычно задают вопросы, когда чувствуют, что ответ может быть неприятным. — Мы могли бы перенести нашу встречу на другой день, если тебе тяжело.

— Всё нормально, правда, — сказала София, и в её голосе прозвучала та холодная нотка, которая всегда появлялась, когда она защищалась от чужого вторжения в своё пространство. — Давай не будем об этом, расскажи лучше что-нибудь интересное.

Дмитрий попробовал ещё несколько раз завязать разговор, но каждый раз натёкался на ту же стену отстранённости, и к концу вечера он уже не пытался её развеселить, а просто сидел и смотрел на неё с тем выражением, в котором смешивались недоумение и разочарование.

Они попрощались у выхода из кафе, он сказал, что было приятно познакомиться, она ответила тем же, и они разошлись в разные стороны, и София шла домой и чувствовала, как внутри неё снова поднимается то самое глухое раздражение на себя, потому что она понимала, что испортила вечер, что была скучной и закрытой, и что Дмитрий, наверное, больше никогда ей не напишет. И действительно, он не написал ни на следующий день, ни через день, ни через неделю, и София, проверяя телефон каждые несколько минут, чувствовала, как с каждым часом тишины её уверенность в собственной ненужности становится всё сильнее, и она грызла себя за то, что не смогла быть интересной, за то, что не смогла скрыть свою грусть, за то, что вообще пошла на это свидание, и в конце концов пришла к выводу, что с ней что-то не так, что она какая-то неправильная, и что никто никогда не захочет остаться с ней рядом, если она будет такой.

Второе свидание произошло ещё через несколько дней, и на этот раз София познакомилась с мужчиной по имени Антон, который был старше её лет на десять, работал в IT-сфере и казался более серьёзным и вдумчивым, чем Дмитрий, и в переписке он писал длинные сообщения, в которых было много вопросов о ней, о её интересах, о её жизни, и София подумала, что, может быть, с ним получится иначе, что, может быть, он сможет разглядеть в ней что-то большее, чем просто красивую картинку. Они встретились в парке, потому что Антон предложил прогуляться, а не сидеть в душном кафе, и София согласилась, потому что в последнее время ей было тяжело находиться в замкнутых пространствах, где её окружали чужие люди и чужие разговоры, и она надела ярко-жёлтое пальто, которое всегда поднимало ей настроение, и вышла из дома с надеждой, что этот вечер будет другим.

Антон оказался приятным собеседником, он много рассказывал о своих путешествиях, о книгах, которые читал, о том, как он любит готовить и как мечтает однажды открыть маленькую кофейню, и София слушала его и даже иногда улыбалась, но в какой-то момент она снова почувствовала, как её накрывает та самая волна, которая приходила к ней каждый раз, когда

она оставалась наедине с собой, и она замолчала, уставившись на мокрый асфальт под ногами, и Антон, заметив это, остановился и взял её за руку, и этот жест был настолько неожиданным и в то же время таким тёплым, что София на секунду растерялась.

— София, ты какая-то потерянная, — сказал он мягко, без осуждения, но с той прямоотой, которая бывает у людей, привыкших говорить то, что думают. — Я вижу, что тебе не очень хорошо, и мне кажется, что ты не хочешь об этом говорить, но я всё равно спрошу: что с тобой происходит? Ты можешь мне довериться, если хочешь.

— Ничего не происходит, — ответила София, и её голос прозвучал глухо, потому что она изо всех сил старалась сдержать слёзы, которые подступали к горлу. — Просто у меня был тяжёлый период, но это неважно, это не должно тебя касаться.

— Это важно, — возразил Антон, и в его глазах было столько искреннего участия, что Софии стало ещё хуже, потому что она понимала, что не может принять это участие, не может открыться, не может позволить себе быть слабой рядом с кем-то, кого она почти не знает. — Если тебе плохо, ты не должна держать это в себе, ты можешь рассказать мне, я не буду смеяться и не буду осуждать.

— Я не хочу об этом говорить, — сказала София, и в её голосе прозвучала та холодность, которая всегда включалась, когда кто-то подходил слишком близко к её боли. — Давай просто погуляем, хорошо? Не нужно лезть мне в душу.

Антон замолчал, и они пошли дальше, но атмосфера между ними изменилась, стала натянутой и неловкой, и хотя он ещё пытался шутить и поддерживать разговор, София чувствовала, что он уже не смотрит на неё с тем интересом, с каким смотрел вначале, и что он, наверное, думает о том, что эта девушка слишком сложная, слишком закрытая, слишком проблемная.

Они попрощались у метро, он сказал, что напишет, она кивнула, но уже тогда поняла, что он не напишет, и когда через два дня она увидела, что он не только не написал, но и удалил её из друзей в социальной сети, она почувствовала, как внутри неё что-то оборвалось, и она снова начала грызть себя, перебирая в памяти каждое слово, каждую паузу, каждый взгляд, и находила всё новые и новые доказательства того, что она какая-то не такая, что она не умеет общаться, что она отталкивает людей, и что, наверное, она заслуживает того, чтобы остаться одна.

Иван в этой истории был единственным, кто не пропадал, и это было одновременно и утешением, и проклятием, потому что он был рядом всегда, но он был рядом так, как бывает рядом мебель или фон, который ты перестаёшь замечать, потому что он не меняется и не требует ничего взамен.

Он писал ей каждое утро, звонил после пар, предлагал встретиться, и София соглашалась, потому что боялась остаться в полной тишине, но при этом она не воспринимала его все-

рьёз и не показывала ему своего состояния, потому что понимала, что он всё равно не поймёт, и эта уверенность происходила из того простого факта, что Иван был немного глуповатым и плохо разбирался в чувствах других людей, и он не замечал, когда ей было хорошо, а когда плохо, и это делало его одновременно безопасным и бесконечно одиноким.

Однажды вечером, когда София чувствовала себя особенно разбитой, потому что Антон удалил её из друзей, а Дмитрий так и не написал, она согласилась пойти с Иваном в кафе, которое он выбрал сам, и это кафе оказалось дешёвой забегаловкой на окраине, где пахло жареным маслом и где за стойкой стоял усталый человек с безразличным лицом.

Иван был рад её видеть, он улыбался так широко, что казалось, его лицо сейчас треснет, и он сразу начал рассказывать о том, как прошёл его день, как он ходил на работу, как ему сделали замечание, как он потом пошёл в магазин и купил себе новые кроссовки, и всё это он рассказывал с таким воодушевлением, будто делился самыми важными новостями в мире, и София слушала его и кивала, но внутри неё всё сжималось от тоски, потому что она смотрела на его полноватую фигуру, на его небрежную одежду, на его тёмные глаза, в которых светилась такая наивная радость, и понимала, что не может и никогда не сможет полюбить этого человека, и от этого понимания ей хотелось плакать.

— Ты чего такая грустная? — спросил Иван, наконец заметив, что она не смеётся над его шутками и не поддерживает разговор так активно, как обычно. — Устала, да? Я тоже устал сегодня, на работе такой завал был, ты не представляешь, но я всё равно рад, что мы встретились, потому что с тобой я всегда отдыхаю душой.

— Да, устала, — ответила София, и это было единственное, что она могла сказать, потому что объяснять ему что-то большее было бесполезно. — Просто день тяжёлый выдался.

— Ну ничего, сейчас поедим, и всё будет хорошо, — сказал Иван с той уверенностью, которая бывает у людей, искренне верящих, что еда может решить все проблемы. — Я заказал тебе пиццу, которую ты любишь, и ещё взял тебе тот десерт, помнишь, ты говорила, что хочешь попробовать, я запомнил.

София посмотрела на него и почувствовала, как к горлу подступает комок, потому что он действительно старался, он действительно запоминал мелочи, он действительно хотел сделать ей приятно, но всё это было не то, совсем не то, и она не могла объяснить ему, что дело не в пище и не в десерте, а в том, что внутри неё образовалась дыра, которую невозможно заткнуть никакой едой и никакой заботой. Она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла жалкой, и Иван, конечно же, этого не заметил, потому что он уже увлечённо рассказывал о том, как его друг купил машину и как они вместе ездили на ней за город, и София смотрела на него и думала о том, что вот он сидит напротив неё, живой, тёплый, любящий, и он готов отдать ей всё, что у него есть, но она не может принять это, потому что её сердце молчит, и она ненавидела себя за это молчание, ненавидела за то, что не может почувствовать к нему хоть что-то, кроме раздражения и жалости, и ненавидела себя за то, что продолжает встречаться с ним, зная, что никогда не ответит ему взаимностью.

— Иван, а ты вообще понимаешь, что я чувствую? — спросила она вдруг, сама не ожидая, что эти слова сорвутся с её губ, и Иван остановился на полуслове, посмотрел на неё с недоумением и пожал плечами.

— Ну, ты устала, я же вижу, — сказал он простодушно. — Но это ничего, я тебя разве-селяю, хочешь, я расскажу тебе анекдот? Мне его сегодня на работе рассказали, он про кота и сметану, очень смешной, правда.

И он начал рассказывать этот анекдот, и София слушала его и чувствовала, как внутри неё всё опускается, потому что она поняла, что он действительно не понимает, что ей плохо, что он не видит дальше поверхности, и что она для него — просто красивая девушка, которая иногда грустит, и что он никогда не сможет заглянуть глубже, потому что не умеет, и от этого осознания ей стало так тоскливо, что она едва дождалась конца вечера и, когда они вышли из кафе, сказала, что ей нужно домой, и Иван проводил её до подъезда и попытался её обнять, но она отстранилась и сказала, что устала, и он кивнул и улыбнулся, и в его улыбке было столько наивной веры в то, что всё хорошо, что София почувствовала себя последним человеком на земле.

Дома она снова легла на кровать, включила свой турецкий сериал, и на экране красивая девушка говорила красивому мужчине о том, как она счастлива, что встретила его, и София смотрела на это и думала о том, что где-то там, в другом мире, в другой жизни, возможно, и для неё есть такое счастье, но здесь, в этой комнате, в этом городе, в этой жизни, она чувствует только пустоту и усталость, и ей хотелось заснуть и не проснуться, но она знала, что утром снова откроет глаза, снова наденет маску, снова пойдёт в университет, и всё будет продолжаться так же, как и раньше, и эта мысль была самой страшной из всех.

Глава 4. Прошлая версия себя

В тот вечер София вернулась домой раньше обычного, потому что после университета у неё не было ни сил, ни желания куда-то идти, и она с облегчением закрыла за собой дверь комнаты, сняла яркое пальто, бросила его на стул и легла на кровать, даже не переодевшись, чувствуя, как усталость растекается по телу тяжёлой, тёплой волной. За окном снова моросил дождь, и его монотонный стук по подоконнику действовал на неё почти усыпляюще, но сон не шёл, потому что внутри неё уже начинала подниматься та самая тревожная, ноющая волна, которая всегда приходила, когда она оставалась наедине с собой и когда у неё не было сил защищаться от собственных мыслей. Она достала телефон, некоторое время смотрела на экран, не открывая ни одного приложения, а потом, словно повинувшись какому-то давнему и очень вредному импульсу, зашла в архив переписок и открыла диалог с Александром, хотя прекрасно знала, что этим сделает себе только больнее.

Переписка с Сашей занимала сотни сообщений, и София, листая их, чувствовала, как внутри неё всё сжимается от той смеси нежности, вины и отчаяния, которая уже стала для неё

привычной за последние полгода. Вот самое начало, когда они только познакомились, когда он писал ей длинные сообщения, полные комплиментов и обещаний, когда она отвечала ему с той лёгкой, игривой уверенностью, которая раньше была её второй натурой, и когда каждое его слово казалось ей особенным, важным, почти судьбоносным. Вот более поздние сообщения, где она спрашивает, почему он не отвечает, где она извиняется за то, что не так поняла, где она просит прощения за то, что была слишком эмоциональной, слишком требовательной, слишком сложной, и эти слова, написанные её собственной рукой, теперь казались ей чужими, будто их писала какая-то другая девушка, которую она больше не узнавала. Она листала дальше и видела, как менялся тон их переписки, как из тёплого и лёгкого он становился холодным и сухим, как её сообщения становились длиннее и тревожнее, а его ответы — короче и равнодушнее, и как она, вместо того чтобы остановиться и уйти, продолжала писать и звонить, продолжала ждать, продолжала верить, что если она будет достаточно хорошей, достаточно понимающей, достаточно удобной, то он снова станет тем человеком, в которого она влюбилась когда-то.

Потом она открыла галерею и начала смотреть совместные фотографии и видео, и эти фотографии и видео были как маленькие окна в прошлое, которое уже нельзя было вернуть, но от которого она всё ещё не могла отказаться. Вот они с Сашей на дискотеке с общими друзьями весело танцуют под их любимую музыку и смеются. Вот они вместе в кафе: в руках у обоих по стаканчику латте, а на лицах лёгкие, искренние улыбки. Вот они на видео дурачатся в снегу, где Саша кидает в неё снежки, а София со смехом от него убегает. Вот они собрались на Новый год в компании друзей, где каждый пьёт шампанское и говорит тост. Она открыла другое видео, снятое на том же телефоне, где они дурачатся на кухне, и услышала его голос, спокойный и тёплый, и свой смех, лёгкий и звонкий, и этот смех показался ей сейчас таким чужим, будто он принадлежал не ей, а какой-то другой девушке, которая жила давно и о которой София знала только по рассказам.

Она смотрела на себя в этом видео и не узнавала: там была девушка с горящими глазами, с искренней улыбкой, с той беззаботностью, которая бывает только у людей, ещё не знавших, как сильно можно разочароваться в любви. И чем дольше она смотрела, тем сильнее становилась боль, потому что она понимала, что этой девушки больше нет, и что она сама, своими руками, позволила ей исчезнуть.

Потом София вспомнила себя до Саши, и это воспоминание оказалось ещё более горьким, потому что тогда её жизнь была совсем другой. Тогда она была весёлой, громкой, яркой, и в её жизни была Полина — лучшая подруга, с которой они могли проводить ночи в их любимом клубе целых четыре раза в неделю, с которой она могла быть сумасшедшей и не стыдиться этого, с которой они танцевали до утра, смеялись над всем подряд, знакомились с разными людьми, пили дешёвые коктейли и возвращались домой на первом метро, счастливые и уставшие, обсуждая каждую мелочь прошедшей ночи.

Полина знала о ней всё, и София знала о Полине всё, и между ними не было ни зависти, ни недосказанности, ни той фальши, которая часто появляется между людьми, когда они перестают быть настоящими. Они могли позвонить друг другу в три часа ночи и просто молчать в трубку, потому что им не нужно было слов, чтобы понимать друг друга, и София тогда думала, что эта дружба будет с ними всегда, что они вместе пройдут через всё, что бы ни случилось.

Но потом в жизни Софии появился Александр, а в жизни Полины — Эдуард, и всё изменилось так незаметно, что София поняла это только тогда, когда уже было слишком поздно. Полина сначала пыталась сохранить их общение, звонила, предлагала встретиться, писала смешные сообщения, но София всё чаще отвечала, что занята, что у неё планы с Сашей, что они обязательно встретятся позже, и это «позже» откладывалось снова и снова, пока не превратилось в пустоту. Саша не любил Полину, он говорил, что она слишком шумная, слишком легкомысленная, что она плохо влияет на Софию, и София, вместо того чтобы защитить подругу, начала постепенно соглашаться с ним, потому что ей хотелось, чтобы он был доволен, чтобы он не злился, чтобы между ними не было ссор.

Она перестала ходить в клубы вместе с Полиной, как раньше, потому что Саша говорил, что это глупо и что ей уже не восемнадцать, она перестала надевать яркие вещи, потому что он говорил, что это выглядит вызывающе, она перестала встречаться с друзьями, потому что он говорил, что они плохо на неё влияют и что ей нужно больше времени проводить с ним, и она слушала его, потому что верила, что он желает ей добра, что он просто заботится о ней, что он хочет, чтобы она стала лучше.

Полина сначала обижалась, потом злилась, потом пыталась поговорить, но София каждый раз находила оправдания для Саши и для себя, и в конце концов Полина перестала писать, а София, погружённая в свои отношения, даже не заметила, как их дружба сошла на нет. Эдик, парень Полины, тоже занимал всё её время, и постепенно их с Софией жизни разошлись так далеко, что вернуться к прежней близости уже не было никакой возможности. София иногда вспоминала Полину, особенно в те моменты, когда ей было плохо, и думала о том, чтобы написать ей, но каждый раз останавливалась, потому что не знала, что сказать, потому что боялась, что Полина уже не та, и что она сама уже не та, и что между ними больше нет того моста, который они сами разрушили.

С Сашей всё было ещё сложнее, потому что София не сразу заметила, как он начал отдалять её от всех и постепенно понижать её самооценку. Сначала это были мелочи: он мог сказать, что её остальные подруги ей не подходят, что её мечты наивны, что её вкусы странные, и София смеялась и соглашалась, потому что думала, что он просто шутит или что он хочет ей помочь стать лучше. Потом эти мелочи стали повторяться чаще, и она начала сомневаться в себе, в своих решениях, в своей внешности, в своём характере, и чем больше она сомневалась, тем сильнее привязывалась к нему, потому что он был единственным, кто, по её мнению, знал, как ей жить.

Она стала эмоционально зависеть от него, и в их отношениях начали появляться тёмные стороны Саши, которые она не хотела замечать: его холодность, его исчезновения, его пустые обещания и его грубые слова, его равнодушие, когда ей было плохо, его привычка обвинять её во всех проблемах и заставлять её извиняться за то, в чём она была не виновата. Она упорно верила, что всё изменится, что он поймёт, что он повзрослеет, что он станет тем человеком, которого она увидела вначале, но менялось всё только к худшему, и она сама становилась всё более бледной тенью себя прежней.

В тех отношениях София потеряла свою былую весёлость и уверенность в себе, начала сомневаться в каждом своём слове и поступке, растеряла круг своих знакомых и друзей, и к моменту расставания у неё не осталось почти никого, кто мог бы её поддержать. Она стала той девушкой, которая боится сказать лишнее слово, которая извиняется за то, что существует, которая смотрит на себя его глазами и видит только недостатки, и эта девушка была так не похожа на ту Софию, которая когда-то танцевала в клубе до утра и смеялась так громко, что на неё оборачивались люди и любой парень мог легко влюбиться. А потом Саша бросил её, сказав, что она слишком много требует и слишком сложная, и эти слова, брошенные напоследок, стали той последней каплей, которая переполнила чашу и погрузила её в депрессию, из которой она до сих пор не могла выбраться. Она лежала на кровати, вспоминала всё это, и слёзы снова предательски текли по её щекам, потому что она не могла поверить, что из весёлой и притягательной девушки, к которой всё шло так легко, и удача, и внимание мужчин, она превратилась в тень, которая не знает, как вернуть себе прошлую версию себя.

Это незнание грызло её изнутри, как маленький голодный зверь, и она не знала, что с ним делать, потому что все её попытки изменить жизнь заканчивались ничем: она ходила на свидания, но они приносили только разочарование, так как мужчины замечали, что её глаза не горят, она пыталась общаться с людьми, но чувствовала себя чужой, она смотрела на старые фотографии и плакала, потому что не понимала, как можно было потерять так много за такое короткое время.

Она открыла свой турецкий сериал, где всегда забывалась, где были красивые люди, красивые чувства и красивые страдания, и на время экран поглотил её, и она перестала слышать дождь за окном, перестала чувствовать тяжесть в груди, перестала вспоминать Сашу и Полину, потому что там, в этом вымышленном мире, всё было проще и понятнее, чем в её собственной жизни.

На данный момент она могла только забыться, потому что не знала, как изменить всё, и это бессилие было, пожалуй, самым страшным из всех чувств, которые она испытывала, потому что оно означало, что она застряла в этом состоянии и не видит из него выхода.

Глава 5. Попытка вернуться к себе прошлой

Утро следующего дня началось не с будильника и не с сообщений Ивана, которые обычно приходили первыми, а с того странного, почти забытого чувства, которое София не сразу смогла назвать, но которое заставило её открыть глаза и некоторое время лежать неподвижно, глядя в потолок с тем тёмным пятном, ставшим за последние месяцы почти родным. Это было не облегчение и не радость, а скорее смутное, тихое беспокойство, похожее на то, как если бы внутри неё кто-то очень осторожно постучал в закрытую дверь и напомнил, что за ней всё ещё есть комната, в которую она давно не заходила.

Вчерашний вечер, проведённый над старыми переписками и фотографиями, вымотал её так, что она заснула прямо с телефоном в руке, и теперь, проснувшись, она чувствовала не только привычную тяжесть в груди, но и что-то ещё, какое-то упрямое, почти детское желание понять, куда именно исчезла та девушка, которая когда-то могла влюбить в себя кого угодно и заставить говорить о себе с восхищением.

София села на кровати, подтянула колени к груди и начала перебирать в памяти те периоды своей жизни, когда она чувствовала себя наиболее уверенной в себе, когда внутри неё горел тот самый огонь, который теперь, казалось, погас окончательно. Она вспоминала не события, а ощущения: как легко было дышать, как просто было знакомиться с людьми, как естественно было нравиться, и чем дольше она вспоминала, тем яснее понимала, что этот огонь никогда не был связан с мужчинами, что он всегда рождался из неё самой, из её увлечений, из её дружбы, из тех глупых и счастливых занятий, которые она сама же и забросила, когда решила, что повзрослела.

Первым в памяти всплыло детство, и это было странно, потому что она давно не думала о том времени, но сейчас оно вдруг открылось перед ней так ярко, будто она листала старый фотоальбом, где на каждой странице были лица людей, которых она когда-то любила больше всего на свете. У неё были лучшие подруги — Наташа, Настя и Ксюша, и вместе они составляли тот маленький, шумный, немного сумасшедший мир, в котором не было места скуке и одиночеству. Они оставались в школе после уроков, когда все уже расходились по домам, и занимались тем, что сейчас показалось бы Софии полнейшей глупостью, но тогда это казалось им настоящим приключением: они находили в интернете дурацкие ролики про то, как вызывать демонов, смотрели их с замиранием сердца, а потом, набравшись смелости, пытались повторить всё это в школьном коридоре или в пустом классе, рисуя на полу какие-то символы мелом и шепча заклинания. Ничего страшного, конечно, не происходило, но им было так весело, что они хохотали до слёз, а потом шли к Софии в гости, где пили чай с печеньем, ночевали вместе и рассказывали друг другу страшные истории и смеялись над шутками, которые были понятны только им, и в этом не было никакой сложности, никаких обид, никаких недосказанностей, потому что дружба в детстве устроена просто и честно, как игра, в которую все играют по одним правилам.

Тогда же, в детстве, София поняла, что ещё даёт ей заряд энергии и делает её по-настоящему живой. Она любила читать художественную литературу, и книги были для неё не просто способом занять время, а настоящим побегом в другие миры, где можно было быть кем угодно и где всё всегда заканчивалось хорошо. Она любила гулять с подругками во дворе, и эти прогулки были для неё не просто способом подышать воздухом, а возможностью быть частью чего-то большего, чем она сама, чувствовать себя нужной и важной для других людей. Она любила рисовать и вообще всё, что было связано с творчеством, потому что в этом она могла выразить то, что не умела сказать словами, и когда она смотрела на свои рисунки, то чувствовала гордость за себя, за то, что она может создавать что-то красивое своими руками. Всё это было простым, естественным и не требовало от неё никаких усилий, и именно поэтому это работало: она не пыталась быть кем-то другим, она просто была собой, и этого было достаточно.

Потом её воспоминания перенесли в подростковый возраст, и это был, пожалуй, один из ярких периодов в её жизни, наполненный той особенной, немного наивной, но очень искренней энергией, которая бывает только у людей, впервые открывающих для себя мир чувств и отношений. Тогда она с подругами смотрела подростковые американские сериалы, и эти сериалы были для них не просто развлечением, а настоящим окном в другую жизнь, где старшеклассники ездили на крутых машинах, ходили на вечеринки, влюблялись и ссорились так красиво, что от экрана было невозможно оторваться. Они засматривались в школе на красивых старшеклассников, обсуждали их между собой, спорили о том, кто из них лучше, и впервые

влюблялись, и эта первая влюблённость была такой нежной и такой мучительной, что София до сих пор помнила, как у неё перехватывало дыхание, когда она видела того самого мальчика в школьном коридоре. Её первой невзаимной любовью был Сергей, который уже встречался с другой девушкой на тот момент. Затем Никита, затем Артур, затем Женя и другие...

Тогда она была застенчивой, она стеснялась смотреть им в глаза, она краснела, когда они проходили мимо по коридору, и эта застенчивость не мешала ей быть счастливой, а наоборот, делала каждый день особенным, потому что в ней была та сладкая тайна, которую она носила в себе.

Поступив в университет, София сблизилась с Полиной, которую знала ещё с детства, и это сближение стало для неё настоящим открытием, потому что вдруг оказалось, что они обе выросли, обе почувствовали вкус свободы вдали от родителей и обе были готовы к тому, чтобы попробовать всё то, что раньше было запрещено и за что могли отругать родители. Они начали ходить по ночам по клубам и скрывали это от мамы и папы, и эти ночи были для Софии не просто развлечением, а способом скрыться, войти во что-то запретное и выплеснуть ту энергию, которая накопилась в ней за годы школьной застенчивости. Они вдвоём впервые попробовали алкоголь и сигареты, и это было немного страшно, немного смешно и очень взросло, и они познакомились с разными парнями, и это знакомство давало им то чувство власти и свободы, которое они так долго искали. Тогда личность Софии раскрылась полностью: свобода и безрассудные выходки с подругой дали ей выплеск энергии и уверенность, на которую притягивались мужчины и другие девушки, которые потом становились подругами, и она чувствовала себя центром вселенной, вокруг которого всё вращается, и это чувство было таким сильным и таким настоящим, что она думала, будто оно никогда не закончится.

Саша не дал ей ничего нового, он только забрал то, что у неё уже было, и она сама позволила ему это сделать, потому что поверила, что любовь важнее всего остального, и в этой вере потеряла себя. И теперь, когда она это поняла, у неё возникло странное, почти отчаянное желание вернуть всё назад, но не буквально вернуться в прошлое, а вернуть тот образ жизни, те ощущения, те увлечения, которые когда-то делали её живой, и попробовать вписать их в настоящее снова.

— Мне надо начать вести такой же образ жизни, — сказала она вслух, и её голос в пустой комнате прозвучал непривычно громко, но в этом не было ничего страшного, потому что она говорила сама с собой и ей это даже понравилось. — Снова фанатеть от американских сериалов про подростков, влюбляться в красивых парней, впутываться в непонятные любовные интриги, ходить по клубам, зажигать под любимую музыку, иногда пить и курить, знакомиться с людьми, смеяться, быть сумасшедшей. Словом, вернуться в прошлое, но только в настоящем.

Эта мысль показалась ей настолько простой и настолько правильной, что она даже удивилась, почему не пришла к ней раньше. Она взяла телефон, открыла музыкальное приложение и начала искать песни, которые любила в подростковые годы, и когда нашла первую, то нажала на воспроизведение и почувствовала, как внутри неё что-то дрогнуло, как будто откуда-то из глубины поднялась та самая девочка, которая когда-то шла по улице и представляла, будто идёт по подиуму и на неё оборачиваются все. Она скачала несколько песен, добавила их в

плейлист, который назвала «Моя прежняя жизнь», и потом, немного подумав, нашла американский сериал «Бесстыжие», о котором когда-то слышала от подруг, но так и не посмотрела, и решила, что это будет её первым шагом на пути к возвращению себя.

София удобно устроилась на кровати, включила первую серию и начала смотреть, но первые минуты показались ей скучными и даже немного раздражающими, потому что она привыкла к турецким сериалам с их красивыми чувствами и лицами, а здесь всё было грубее, проще и как-то слишком реально. Она даже хотела выключить, но что-то её остановило, и она продолжила смотреть, и постепенно, серия за серией, этот грубый, шумный, немного хаотичный мир начал её затягивать, и она поймала себя на том, что улыбается, что ей даже немного весело, что она забыла о времени и о своих мыслях, и это было то самое чувство, которое она так долго искала и которое, оказывается, всё это время было где-то рядом, просто она не давала себе возможности его почувствовать.

Она посмотрела несколько серий подряд, и в какой-то момент поняла, что больше не думает о Саше, не думает о Дмитрие и Антоне, которые просто пропали, не думает даже об Иване, который, наверное, уже прислал ей очередное сообщение, и это было странное, но приятное ощущение свободы, которое она не испытывала уже очень давно. Внутри неё начали появляться какие-то смутные планы, пока ещё неясные, но уже не такие безнадежные, как раньше: она подумала, что, может быть, стоит написать Полине, что, может быть, стоит сходить в клуб, как в старые добрые времена, что, может быть, стоит снова начать рисовать, потому что это когда-то приносило ей радость. Она не знала, получится ли у неё вернуть прошлую версию себя, но впервые за долгое время у неё появилось не просто желание, а какое-то тихое, упрямое намерение попробовать, и это намерение было маленьким, но настоящим, как огонёк, который ещё не разгорелся, но ещё не погас.

Глава 6. Раскрепощение

На следующее утро София проснулась с чувством, будто внутри неё кто-то очень аккуратно раздвинул тяжёлые шторы и впустил в комнату немного света, которого она давно не замечала. Она ещё не знала, получится ли у неё вернуть прежнюю себя, но вчерашний вечер с американским сериалом и старыми песнями дал ей то, чего не давали ни свидания с мужчинами, ни бесконечные переписки, — маленькую, но настоящую надежду на то, что жизнь всё ещё может быть другой.

София села за стол, взяла блокнот, который когда-то покупала для конспектов, но так и не использовала, и начала записывать всё, что, по её мнению, должно было вернуть её к жизни: снова слушать музыку, которая когда-то заставляла её сердце биться чаще, смотреть сериалы, от которых она забывала о времени и в которых влюблялась в героев, больше общаться с весёлыми людьми, ходить в клубы, как раньше, и обязательно найти какое-то творческое занятие, потому что рисование когда-то было для неё не просто хобби, а способом выговаривать то, что не получалось сказать словами. Она писала быстро, почти не задумываясь, и в какой-то момент поймала себя на том, что улыбается, потому что этот список был похож на карту сокровищ, где вместо золота было спрятано её собственное потерянное счастье.

Когда София вышла из комнаты, чтобы налить себе чай, она столкнулась на кухне с соседкой Лерой и её парнем Артёмом, которые сидели за столом, пили кофе и о чём-то тихо переговаривались, и в их позах, в их взглядах, в том, как они касались друг друга руками, было столько спокойной, обжитой нежности, что София на секунду почувствовала привычный укол одиночества, но тут же отогнала его от себя, потому что сегодня она решила не сдаваться так быстро. Лера подняла на неё глаза и улыбнулась, и в этой улыбке не было ни жалости, ни любопытства, а было простое, дружелюбное тепло, которого София давно не замечала в людях, живущих с ней под одной крышей.

— О, София, ты сегодня рано, — сказала Лера, отодвигая стул и жестом предлагая ей присоединиться. — Мы как раз обсуждали, что вечером позовём друзей, будем отдыхать, готовить что-нибудь вкусное, может, даже танцевать. Ты как, не против? Если хочешь, присоединяйся, будет веселее.

София на мгновение замерла, потому что ещё вчера она бы, наверное, вежливо отказалась, сославшись на усталость или дела, и закрылась бы в своей комнате с очередным сериалом, но сегодня её новый план требовал от неё хоть каких-то действий, и она вдруг поняла, что это приглашение — именно то, что ей нужно, чтобы начать выбираться из своей скорлупы.

— А знаете, я, пожалуй, соглашусь, — ответила она, и её собственный голос показался ей чуть более живым, чем обычно. — Давно мы с вами нормально не общались, а живём рядом. Во сколько вы планируете начать?

— Часов в семь, — включился в разговор Артём, который до этого молча помешивал кофе. — Придут Гриша и Никита, мои друзья, они нормальные ребята, не переживай. Будет вино, будет музыка, будет много ерунды, как обычно. Ты только не стесняйся, если что, мы тебя не заставим делать то, чего ты не хочешь.

— Я и не собираюсь стесняться, — сказала София с лёгкой улыбкой, которая далась ей неожиданно просто. — Наоборот, мне кажется, мне это даже нужно, а то последнее время было каким-то пустым и грустным.

Весь день она провела в каком-то странном, приподнятом настроении, которое сама себе не могла до конца объяснить. Она пересмотрела ещё несколько серий «Бесстыжих», послушала старые песни, даже достала с полки старый блокнот с рисунками и провела пальцами по пожелтевшим страницам, вспоминая, как когда-то могла часами сидеть над одним наброском и не замечать, как проходит время. К вечеру она надела короткое тёмное платье, которое давно висело в шкафу без дела, сделала лёгкий макияж и, посмотрев на себя в зеркало, увидела не ту уставшую девушку с опухшими глазами, какой была ещё несколько дней назад, а кого-то, кто снова начинает напоминать ей себя прежнюю и жить.

Когда гости собрались, в квартире стало шумно и тесно, но эта теснота была приятной, потому что в ней не было той давящей тишины, от которой София так уставала в своей комнате. Гриша оказался высоким парнем с громким смехом и привычкой перебивать всех, а Никита был более спокойным, но с таким заразительным чувством юмора, что уже через полчаса София поймала себя на том, что смеётся над его шутками так искренне, как не смеялась уже очень давно. Она налила себе бокал вина, сначала просто для того, чтобы немного расслабиться, но когда алкоголь мягко разлился по телу, она почувствовала, как внутри неё что-то оживает, как будто та самая прежняя София, которую она так долго искала, начала осторожно выбираться наружу.

— А можно я поставлю свою музыку? — спросила она, и в её голосе прозвучала та знакомая ей самой нотка лёгкости, которой она не слышала у себя уже несколько месяцев. — У меня есть плейлист, под который раньше мы с подружкой могли танцевать до утра.

— Конечно, ставь, — махнул рукой Артём. — Чем громче, тем лучше, соседи всё равно уже привыкли да и всё равно ещё рано и не спят люди.

София подключила телефон к колонке, и комната наполнилась ритмичной, знакомой до последней ноты музыкой, под которую она когда-то танцевала в клубах, не задумываясь ни о прошлом, ни о будущем. Сначала она просто покачивалась в такт, стоя у стены, но Лера схватила её за руку и потянула в центр комнаты, и через минуту они уже танцевали вдвоём, смеясь над тем, как нелепо выглядят их движения, а Гриша и Никита подпевали и поднимали бокалы, и вся эта квартира, ещё недавно казавшаяся Софии чужим и холодным местом, вдруг стала тёплой и живой.

— Слушай, а вы вообще классные, — сказала София, обращаясь сразу ко всем, и в её голосе было искреннее удивление. — Я живу с вами больше года и только сейчас понимаю, что мы почти не общались. Почему я раньше не замечала, что вы такие?

— Ты была занята своими делами, — ответила Лера просто, без обиды. — Мы не лезли, потому что видели, что тебе не до нас. Но лучше поздно, чем никогда, правда?

— Правда, — согласилась София, и в этот момент ей захотелось сделать что-то такое, что окончательно вырвало бы её из той тихой, серой жизни, которую она вела последние месяцы. — Слушайте, а может, мы не будем сидеть дома? Давайте поедem в клуб. Настоящий, с громкой музыкой, танцами, коктейлями. Я знаю одно место, там раньше было весело.

Все переглянулись, и по лицам было видно, что идея им нравится, но никто не хочет брать на себя ответственность за то, чтобы её поддержать. Тогда Никита поднял бокал и сказал, что если София предлагает, то нужно ехать, и это простое решение словно развязало всем руки. Через полчаса они уже ловили такси, и София сидела у окна, смотрела на огни ночного

Петербурга и чувствовала, как внутри неё, где-то очень глубоко, снова начинает разгораться тот самый огонь, который она считала погасшим навсегда.

В клубе было шумно, тесно и темно, и современная музыка била по ушам так сильно, что нужно было кричать, чтобы тебя услышали, но именно эта громкость и эта теснота казались Софии целительными, потому что в них не было места для грустных мыслей. Она танцевала с Лерой, пила коктейль, который заказал Артём, и постепенно раскрепощалась всё сильнее, смеясь над шутками Никиты и подпевая знакомым песням, и в какой-то момент поймала себя на том, что не думает ни о Саше, ни о своей депрессии, ни о том, что будет завтра, а просто живёт этим вечером, этим моментом, этим ощущением свободы.

Когда она отошла к бару, чтобы заказать себе ещё один напиток, к ней подошёл мужчина лет пятидесяти, с гладко зачёсанными волосами и в дорогом, но безвкусном пиджаке, и с той уверенностью, которая бывает у людей, привыкших, что деньги решают всё, предложил познакомиться. София посмотрела на него и почувствовала привычное раздражение, потому что он был совершенно не в её вкусе, и ещё вчера она бы, наверное, просто отвернулась и ушла, но сегодня в ней проснулось что-то другое, какое-то озорное, почти забытое желание проверить свою власть над мужчинами.

— Девушка, вы здесь самая красивая, — сказал он, подходя ближе. — Разрешите угостить вас коктейлем? Я тут знаю, что заказывают самые эффектные девушки.

— А вы уверены, что я люблю коктейли? — спросила София, поднимая бровь, и в её голосе прозвучала та самая игривая нотка, которая когда-то сводила мужчин с ума.

— Уверен, что вы любите внимание, — ответил он с улыбкой, которая, по его мнению, должна была казаться обаятельной. — А я могу его дать вам. Давайте начнём с коктейля, а потом посмотрим.

София на секунду задумалась, а потом вспомнила, как раньше, в студенческие годы, они с Полиной разводили мужчин на напитки, наслаждаясь тем, как те стараются произвести впечатление, и как это поднимало им настроение и самооценку. Тогда это было игрой, лёгкой и безобидной, и сейчас ей вдруг захотелось снова почувствовать себя участницей этой игры, потому что в ней она была сильной, желанной, свободной и властной.

— Хорошо, — сказала она, улыбнувшись так, чтобы он поверил в свою удачу. — Один коктейль. Но только один.

Мужчина просиял и заказал ей самый дорогой коктейль в меню, и пока бармен готовил напиток, он рассказывал о своей работе, о машине, о путешествиях, и София слушала его с вежливым интересом, кивала, иногда задавала вопросы, и ей даже было немного весело от того,

как старательно он пытается ей понравиться. Когда коктейль принесли, она взяла бокал, сделала маленький глоток и почувствовала, как внутри неё поднимается та самая энергия, которой ей так не хватало: энергия власти, внимания, молодости.

— Спасибо за коктейль, — сказала она, ставя бокал на стойку и глядя на него с той холодной вежливостью, которая не оставляла никаких надежд. — Было приятно познакомиться, но мне пора возвращаться к друзьям.

— Как, уже? — растерялся мужчина. — Может, хотя бы дадите свой номер? Я мог бы позвонить, мы могли бы куда-нибудь сходить.

— Не думаю, что это хорошая идея, — ответила София, и в её голосе не было ни злости, ни презрения, только спокойная уверенность в том, что она имеет право выбирать. — Хорошего вечера.

Она развернулась и пошла обратно к своим, и на душе у неё было легко и весело, потому что она снова почувствовала себя той девушкой, которая может брать от мужчин то, что хочет, и при этом ничего не отдавать взамен, и это чувство было таким знакомым и таким приятным, что она даже засмеялась, подходя к Лере.

— Ты чего? — спросила Лера, улыбаясь.

— Да так, — ответила София, обнимая её за плечи. — Кажется, я начинаю вспоминать, как это — быть собой.

В этот момент она поняла, что её план работает, что возвращение к прежней жизни возможно, если делать хотя бы маленькие шаги, и что мужчины, с их вниманием и коктейлями, могут быть не причиной её боли, а всего лишь способом поднять свою энергию и снова почувствовать себя привлекательной.

Она ещё не знала, что впереди её ждут и настоящие чувства, и настоящий выбор, но сейчас, в шумном клубе, среди новых друзей и старой музыки, она впервые за долгое время позволила себе просто быть счастливой.

Глава 7. Новые правила игры

Домой они вернулись, когда город уже начинал сереть, а на улицах появлялись первые дворники и редкие прохожие, и вся компания, уставшая, но довольная, ввалилась в квартиру, стараясь не шуметь, хотя получалось это плохо, потому что все смеялись, переговаривались и никак не могли уговориться после ночи, проведённой в танцах и разговорах.

София сбросила туфли в коридоре, пробормотала что-то невнятное Лере и Артёму, которые уже скрылись в своей комнате, и, добравшись до кровати, упала на неё прямо в платье, даже не сняв макияж, потому что сил не осталось ни на что, кроме как закрыть глаза и позволить усталости унести её в сон.

Сны в ту ночь были яркими, почти осязаемыми, и в них снова была Полина, молодая, смеющаяся, с тем самым озорным блеском в глазах, который София помнила с их дружбы. Им снилось, будто они снова стоят у входа в клуб, в коротких платьях и на каблуках, и Полина говорит ей, что сегодня они точно познакомятся с кем-нибудь интересным, а София смеётся и отвечает, что главное — не напиться раньше времени, и они заходят внутрь, и музыка обрушивается на них так громко, что кажется, будто весь мир состоит из ритма и света. Потом они танцуют на барной стойке, хотя бармен злится, а они только смеются, потом знакомятся с двумя парнями, которые покупают им коктейли, и Полина шепчет Софии на ухо, что этот вечер обязательно станет легендарным, и София чувствует себя счастливой, свободной и бесконечно молодой. Она проснулась с улыбкой на губах, но улыбка быстро исчезла, потому что реальность напомнила о себе тяжёлой головой, пересохшим горлом и запахом вчерашнего вечера, который, казалось, впитался даже в подушку.

Первое, что она сделала, — потянулась к телефону, и экран загорелся таким количеством уведомлений, что София на секунду зажмурилась, пытаясь понять, что происходит. Шесть пропущенных звонков от Ивана, все с разницей в пятнадцать-двадцать минут, и десять сообщений в мессенджере от него же, и все они были примерно об одном и том же: где она, почему не отвечает, всё ли в порядке, не случилось ли чего-то плохого, почему она не берёт трубку. София смотрела на эти сообщения и чувствовала, как внутри неё поднимается знакомое раздражение, смешанное с ленивым любопытством, потому что она прекрасно понимала, что Иван не столько волнуется за неё, сколько не может справиться с собственной тревогой, которую он всегда путал с заботой.

Она открыла диалог и, немного подумав, написала коротко и без лишних объяснений, что была в клубе и поэтому не слышала телефон. Ответ пришёл почти мгновенно, будто Иван всё это время сидел и смотрел на экран, ожидая её сообщения, и в этом ответе было столько упрека, что София даже усмехнулась, откинувшись на подушку.

— В клубе? — писал Иван, и по его сообщениям было видно, что он набирает их быстро, не думая. — София, ну какие клубы, это же пустая трата времени и денег. Лучше бы ты дома посидела, отдохнула, делом занялась. Там же одни непонятные люди, музыка эта громкая, ничего хорошего. Зачем тебе это вообще нужно?

София читала эти строки и чувствовала, как внутри неё просыпается то самое озорное, почти дерзкое настроение, которое она вчера впервые за долгое время почувствовала в клубе. Раньше она бы, наверное, начала оправдываться, объяснять, что ей нужно развеяться, что она устала сидеть дома, что это её жизнь и она вправе проводить время так, как хочет. Но сейчас ей не хотелось ни оправдываться, ни объяснять, ни тратить силы на то, чтобы Иван её понял,

потому что она уже поняла, что он всё равно не поймёт, и это понимание давало ей странную свободу.

— Ваня, а тебе не кажется, что я сама могу решать, что мне делать? — написала она, и в её сообщении не было злости, только спокойная уверенность. — Мне нравится ходить в клубы, нравится танцевать, нравится музыка, нравится знакомиться с людьми. Я не собираюсь отказываться от этого только потому, что ты считаешь это неправильным.

Ответ пришёл не сразу, и София представила, как Иван сидит, уставившись в телефон, и пытается придумать, что сказать, чтобы не поссориться с ней и в то же время настоять на своём, потому что он всегда был уверен, что знает, как правильно, хотя на самом деле не знал почти ничего.

— Я не говорю, что ты не можешь решать, — наконец написал он, и в этих словах чувствовалась та неуклюжая попытка быть мягким, которая всегда выходила у него плохо. — Я просто переживаю за тебя. Клубы — это же опасно, там всякие люди, ты можешь попасть в неприятную ситуацию. Может, лучше мы с тобой куда-нибудь сходим, в кино или в кафе, посидим спокойно, поговорим?

София ухмыльнулась, глядя на экран, потому что предложение сходить в кафе или в кино было для неё не альтернативой клубу, а ещё одним подтверждением того, что Иван не понимает ни её, ни того, что ей на самом деле нужно. Он предлагал ей спокойствие, а ей нужно было движение, нужно было чувствовать себя живой, нужно было снова поверить в то, что она может быть интересной и желанной, и никакое кафе не могло дать ей этого ощущения.

— Ваня, я не собираюсь отказываться от клубов, — написала она, и на этот раз в её сообщении была та твёрдость, которую она редко показывала раньше. — Мне это нравится, и я буду продолжать так делать. Если тебе это не подходит, это твоё право, но я не стану меняться только для того, чтобы тебе было спокойнее.

Она отложила телефон и некоторое время лежала, глядя в потолок и чувствуя, как внутри неё зреет новое, почти дерзкое решение, которое ещё вчера показалось бы ей странным, но сегодня казалось единственно правильным. Она вдруг поняла, что все эти месяцы она позволяла мужчинам использовать себя, позволяла им исчезать, позволяла им решать, достойна ли она их внимания, и в этой игре она всегда проигрывала, потому что отдавала им власть над собой. Но теперь она решила, что всё будет иначе: она будет использовать их внимание в свою пользу, будет брать то, что ей нужно, и не будет чувствовать себя виноватой за это, потому что они сами предлагают ей это внимание, а значит, она имеет право распоряжаться им так, как считает нужным.

Эта мысль сначала показалась ей немного циничной, и София даже задумалась, не слишком ли это жестоко по отношению к Ивану, который всё-таки искренне к ней привязан. Но

потом она вспомнила, как он только что пытался учить её жизни, как он говорил, что клубы — это пустая трата времени, как он предлагал ей спокойное кафе вместо танцев, и поняла, что он не любит её настоящую, он любит тот образ, который сам себе придумал, и этот образ удобен ему, потому что он не требует от него никаких усилий. А раз так, то почему она должна жалеть его чувства, если он не жалеет её желаний?

— Значит, так, — сказала она вслух, обращаясь к самой себе, и её голос в пустой комнате прозвучал уверенно и почти весело. — С этого дня я не позволяю мужчинам отшивать меня. Это я буду решать, кто достоин моего внимания, а кто нет. Если мужчина хочет быть со мной, он должен делать то, что я прошу, а если он не готов, то скатертью дорога.

Она снова взяла телефон и открыла мессенджер, где Иван всё ещё писал ей что-то про то, что он просто хочет как лучше и что она его не понимает, и София, прочитав несколько строк, ответила ему коротко и почти ласково, но с той скрытой насмешкой, которую он, конечно же, не заметил.

— Ваня, я тебя слышала, но решение уже принято, и я не собираюсь его менять. Если хочешь со мной общаться, прими меня такой, какая я есть, а если не можешь, то это твои проблемы, а не мои.

Она отправила сообщение, положила телефон на тумбочку и потянулась так, что хрустнули плечи, чувствуя, как внутри неё разливается странное, почти пьянящее чувство свободы. Она ещё не знала, что это новое правило игры очень скоро приведёт её к встрече, которая перевернёт все её представления о мужчинах и о самой себе, но сейчас, в это утро после клуба, с тяжёлой головой и лёгким сердцем, она была уверена, что наконец-то нашла способ вернуть себе ту самую Софию, которую потеряла много месяцев назад.

Глава 8. Открытые действия

Утро после разговора с Иваном София начала с того, что взяла телефон и, не вставая с кровати, открыла сайт знакомств, который ещё несколько дней назад вызывал у неё только раздражение и усталость. Раньше она заходила туда с тайной надеждой, что хоть кто-то сможет разглядеть в ней что-то большее, чем красивую картинку, и каждый раз разочаровывалась, потому что видела перед собой десятки одинаковых сообщений, написанных будто под копирку. Теперь же она смотрела на экран совсем другими глазами, потому что внутри неё уже поселилось новое правило, согласно которому она больше не собиралась быть той, кого выбирают, а собиралась стать той, кто выбирает и отсеивает сама неподходящие кандидатуры.

Сообщений было много, и большинство из них вызывали у неё ленивую усмешку, потому что все они были примерно об одном и том же. «Как жизнь?», «Что нового?», «Что делаешь?» — эти вопросы сыпались на неё со всех сторон, и София, листая их один за другим, думала о том, что такие фразы не задают человеку, которого хотя бы немного уважают, потому что за ними нет ни интереса, ни желания узнать собеседника, а есть только пустая привычка начинать

разговор с чего угодно, лишь бы начать. Она даже хотела ответить кому-то из них что-нибудь колкое, но потом решила не тратить силы на тех, кто не заслуживает даже её насмешки, и продолжила листать дальше, пока не наткнулась на два диалога, которые заметно отличались от остальных.

Первый был с мужчиной по имени Тимофей, который сразу представился, назвал её по имени, написал несколько фактов о себе и только после этого задал вопрос о ней, и в его сообщениях чувствовалась та простая, но редкая вежливость, которая сразу располагала к себе. Второй был с Максимом, который писал чуть более сдержанно, но тоже без той фамильярности, которая так раздражала Софию в других, и в его вопросах было столько же интереса к ней, сколько и желания рассказать о себе. София начала переписку с обоими, и постепенно, сообщение за сообщением, разговоры дошли до того, что они начали обсуждать время и место встречи, и она с удивлением поняла, что снова чувствует тот самый азарт, который когда-то давно сопровождал каждое новое знакомство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.